

Дарья Дарсай

После моей смерти ОТКРОЙ

Дарья Дарсай

После моей смерти открой

«Автор»

2026

Дарсай Д.

После моей смерти открой / Д. Дарсай — «Автор», 2026

После разговора с врачом Катя покупает коробку флешек. «Открой, когда тебе исполнится десять». «Открой, когда впервые влюбишься». «Открой, когда почувствуешь себя одинокой». Никто не знает, что она записывает по ночам. Ни муж. Ни маленькая дочь. Ни Лиза — женщина, которая недавно появилась в их доме, чтобы помочь Кате пережить самые тяжёлые месяцы. Лиза слишком быстро становится незаменимой. Маша просит её остаться навсегда. Артём впервые за долгое время снова смеётся. А Катя всё чаще ловит себя на странном чувстве: рядом с этой женщиной её семье становится легче. Она должна быть благодарна. Но почему тогда ей так страшно? У Кати остаётся всё меньше времени, чтобы закончить записи и принять решение, о котором пока не знает никто. Решение, которое изменит жизнь каждого из них после её смерти.

© Дарсай Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Дарья Дарсай

После моей смерти открой

Глава 1

Глава первая. Черёмуха

Катя проснулась от того, что Маша дышала ей в лицо.

Не плакала, не звала — просто стояла у кровати, положив подбородок на край матраса, и дышала. Тёплое, кисловатое со сна дыхание трёхлетнего ребёнка, в котором молоко, вчерашнее печенье и что-то неуловимо сладкое, своё, Машино.

— Мама, — сказала Маша шёпотом. — Ты спишь?

Катя не открыла глаз. Она знала эту игру. Если открыть — всё, утро началось, его уже не остановить. Каша, колготки, левый ботинок, который Маша почему-то всегда прячет за диван, и двадцать минут на дорогу до садика, которые превращаются в сорок, потому что по пути голуби, лужи и «мама, подожди, я нашла палочку».

— Мама. Мам. Мааам.

— Мммм.

— Ты притворяешься.

— Нет. Я сплю.

Маша засмеялась — негромко, как будто боялась спугнуть — и залезла на кровать. Колени, локти, пятка в живот. Катя охнула.

— Ты тяжёлая стала.

— Неа, — Маша устроилась рядом, вжалась в бок. — Это ты лёгкая.

Артём лежал на своей половине, отвернувшись к стене. Спал он или притворялся — Катя давно перестала различать. Его спина в серой футболке, лопатки, родинка на шее — она знала эту спину лучше, чем собственные руки. Семь лет — достаточно, чтобы чужое тело стало продолжением твоего, или привычкой, или мебелью. Катя отогнала эту мысль и уткнулась носом в Машину макушку.

Волосы пахли детским шампунем. «Тропический остров», розовый флакон с пальмой — Маша выбрала сама, в магазине, два месяца назад. Встала перед полкой, нахмурилась (складка между бровей — Катина, один в один) и ткнула пальцем: «Этот. Потому что красивый».

— Мам, а сегодня в садике каша?

— Не знаю, зай.

— Если каша, то я не ем. Если макароны — ем. Если суп — смотря какой.

— Разумно.

— А ты на работу?

— Я дома работаю, помнишь?

— Помню. Ты сидишь и буквы пишешь.

Катя улыбнулась. В каком-то смысле — да. Она переводила чужие буквы в свои, и в этом был парадокс, который она так и не научилась объяснять: работа, в которой нет ни одного собственного слова, и при этом каждое слово — твоё. Сейчас она переводила Элизабет Страут, «Меня зовут Люси Бартон». Третий месяц. Не потому что сложно — потому что больно. Книга про мать и дочь, про больницу, про то, как мы говорим друг другу самое важное не словами, а паузами между ними. Катя переводила по два абзаца в день и курила на балконе, хотя бросила три года назад, когда забеременела.

Не курила. Стояла с незажжённой сигаретой во рту. Артём не знал. Или знал — и не говорил.

— Вставайте, — голос Артёма, хриплый, ещё ночной. Он перевернулся на спину, не открывая глаз. — Который час?

— Семь двенадцать, — Катя глянула на телефон.

— Опаздываем.

— Мы всегда опаздываем.

— Вот именно, — он сел, тряхнул головой. Тёмные волосы, седина на висках. Ему тридцать пять, а виски — как у пятидесятилетнего. «Ранняя седина, семейное», — говорил он. Его мать, Нина Павловна, поседела в тридцать. Катя однажды пошутила, что это от характера. Артём не засмеялся.

Он встал и пошёл в ванную. Катя слышала, как он чистит зубы — методично, как делал всё. Два раза сплюнул, включил душ, выключил воду. Потом были полотенце, шлёпанцы и глухой стук закрывшейся двери. Артём двигался по утрам как механизм, выверенный за годы до секунды. Катя знала каждый звук, как знаешь музыку, которую слушаешь каждый день, — перестаёшь слышать, но замечаешь, когда она прекращается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.